

На правах рукописи

БАТТАЛОВА АЙГУЛЬ НАИЛЕВНА

**Образ князя Мышкина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»:
проблема реально-исторических прототипов**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор В.В. Борисова

Екатеринбург – 2013

Работа выполнена на кафедре русской литературы ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумлы»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Борисова Валентина Васильевна.

Официальные оппоненты: **Созина Елена Константиновна,**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБУН Институт истории и археологии УрО
РАН, заведующий сектором истории
литературы.

Шаулов Сергей Сергеевич,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный
университет», доцент кафедры русской
литературы и издательского дела.

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет».

Защита состоится 24 декабря 2013 года в 12:30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина 51, к. 248, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Автореферат разослан « __ » _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

Е.Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Благодаря усилиям многих отечественных и зарубежных достоевсковедов на сегодняшний день проведены масштабные исследования творчества великого писателя, в которых раскрыты особенности его художественного мышления и поэтики в соотнесенности с традициями русской и мировой литературы. Но усиленное внимание к проблемам «реализма в высшем смысле» и в целом христианского мироощущения автора «пятикнижия» оставило в тени другие, не менее важные вопросы, что в полной мере относится и к роману «Идиот».

В последнее время именно это произведение оказалось на перекрестке различных концепций и мнений. Литературоведами осмысляются своеобразие его стиля, особенности композиции, художественного пространства и времени, религиозно-метафизического содержания, концепция «положительно прекрасного человека».

Находясь в фокусе активного исследовательского интереса, роман продолжает вызывать ожесточенные дискуссии, прежде всего в связи со сложным, неоднозначным образом главного героя. Различные толкования образа князя Мышкина, его характера, поступков и помыслов порой приобретают диаметрально противоположный характер.

Вместе с тем при непрекращающемся внимании к творческому наследию Ф.М. Достоевского в науке до сих пор не ставилась специальная задача изучения конкретного реально-биографического содержания его произведений. Именно этим объясняется **актуальность** данного диссертационного исследования.

Его **объектом** является роман Достоевского «Идиот», рассмотренный в широком контексте биографии и творчества писателя.

Предмет исследования – образ главного героя в автобиографическом и реально-историческом контекстах.

Новизна представленного исследования заключается, во-первых, в существенном дополнении, обобщении и систематизации накопленного в

науке фактического материала по проблеме прототипов образа главного героя романа «Идиот». Опираясь на своих предшественников, которые внесли значительный вклад в ее решение, мы отнюдь не повторяем их положений и не впадаем в соблазн парафрастического литературоведения, распространенного в наши дни.

Во-вторых, проблема реальных прототипов связана в нашей работе с решением концептуального вопроса о соотношении христологического и «человеческого» содержания в структуре образа князя Мышкина, который, по нашему твердому убеждению, является не только хриstopодобным, но и жизнеподобным героем.

Цель диссертационной работы заключается в комплексном рассмотрении образа князя Мышкина в автобиографическом и реально-историческом контекстах с учетом авторской концепции «положительно прекрасного человека».

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи:**

- определить критерии рассмотрения романа «Идиот» в аспекте авторской интенции: художественной трансформации жизненных фактов, соотношения образа главного героя с реально-историческими прототипами;
- охарактеризовать особенности биографического контекста произведения Достоевского;
- выявить реальные прототипы образа князя Мышкина.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. «Реализм в высшем смысле» или «фантастический реализм» Достоевского не исключает установки на достоверное творческое преломление в его произведениях важных автобиографических и реально-исторических фактов.

2. Автобиографическое начало в образах героев Достоевского проявляется специфично: ни Раскольников, ни Ставрогин, ни Мышкин не являются прямой проекцией личности писателя, однако все их «проклятые

вопросы» выражают то, что было глубоко прочувствовано и продумано им самим.

3. Князю Мышкину автор передал особенно много своего: страстную проповедь красоты, спасающей мир; «священную болезнь» и философию любви; ощущения, пережитые в ожидании смерти и, самое главное, собственный «символ веры». Все это определяет необходимость восприятия главного героя романа «Идиот» в автобиографическом контексте.

4. Образ «князя Христа» соотносится и с реальными лицами, но не столько по внешнему сходству и родству судеб, сколько в силу типологической переклички характеров и идей. Так, между героем Достоевского и его прототипом доктором Гаазом нет прямого биографического тождества, но показательна их одинаковая устремленность к христианскому идеалу.

5. К прототипам князя Мышкина можно отнести В.Ф. Одоевского. Их сближает общий комплекс нравственно-психологических качеств и мировоззренческих позиций. Князь Одоевский, подобно Мышкину, проповедовал нравственное самосовершенствование, при этом глубоко сознавая противоречивость человеческой природы.

6. Типологическое сходство между Н.П. Огаревым и образом Мышкина также убеждает в значимости реально-исторического контекста для его восприятия. Яркая личность поэта существенным образом повлияла на реализацию замысла о «положительно прекрасном человеке». Обаяние искренности, трогательного простодушия и сердечной открытости Н.П. Огарева явились живым источником для создания образа «князя Христа».

7. К прототипам Мышкина можно причислить также племянника писателя А.П. Карепина, в семействе своем слывшего «идиотом» в силу своей детскости, комичности облика и поведения. Живые подробности общения Достоевского с ним летом 1866 года на даче Ивановых в Люблино нашли прямое отражение в романе.

8. Еще одним прототипом князя Мышкина следует считать издателя детского журнала «Библиотека для воспитания» Д.А. Валугина. С князем Мышкиным его роднят возраст, образование, воспитание, характер, внешнее сходство. Биографические, психологические, мировоззренческие сближения между ними, в том числе славянофильская позиция, подтверждаются многочисленными мемуарными свидетельствами о личности Д.А. Валугина.

9. В целом решение проблемы прототипов князя Мышкина имеет определяющее значение для его адекватной интерпретации как «положительно прекрасного человека», способствуя решению важного вопроса о соотношении христологического и человеческого содержания в структуре его образа. Яркие впечатления от реальных типов и явлений жизни помогли художнику соблюсти нужную меру очеловечивания христоподобного героя, необходимую для его полноценного эстетического восприятия.

Методологическая основа работы представлена преимущественным использованием биографического, сравнительно-исторического, структурно-типологического методов, получивших свое обоснование в трудах Л.Я. Гинзбург, Ю.М. Лотмана, Р.Г. Назирова и др.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что оно раздвигает рамки реально-биографического контекста романа «Идиот» и его главного героя и дает возможность использовать основные положения диссертации в дальнейшем изучении творчества писателя, а также в практике преподавания русской литературы в вузе и средней школе.

Апробация результатов исследования. Основные проблемы, рассматриваемые в работе, были обсуждены на международных конференциях «Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании» (Уфа, 2009-2012), всероссийских и региональных конференциях «Непрерывное образование: школа – педколледж – вуз» (Уфа, 2009-2013) и нашли отражение в девяти опубликованных работах, в том числе трех изданиях из списка ВАК.

Структура работы соответствует поставленным целям и задачам, состоит из введения, двух глав, заключения и списка цитированной и использованной литературы, содержащего 312 наименований. Общий объем работы – 170 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяется актуальность, предмет и объект исследования, обозначаются его цели и задачи, характеризуется методология, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы.

В **первой главе «Образ главного героя романа «Идиот» в автобиографическом контексте»** раскрывается понятие биографического дискурса, выясняются возможности адекватного отражения писателем реалий собственной жизни, рассматривается и осмысливается ряд важнейших переключек между автором и героем.

В **первом параграфе первой главы «Методологические аспекты изучения автобиографического дискурса и автобиографического контекста»** выделяются методологические аспекты изучения автобиографического дискурса и автобиографического контекста. В этой связи подробно рассматриваются такие понятия как «автобиографизм», «автобиографический текст», «автобиографический дискурс», «автобиографический контекст».

Автобиографизм имеет в качестве основной проблему референции, т.е. соотношения литературной и экстралитературной реальности. При таком подходе творчество практически любого автора оказывается так или иначе автобиографическим, и стратегией научного исследования становится поиск тождества между всеми значимыми конструкциями художественного текста и индивидуальными, психологическими и биографическими характеристиками автора и его окружения, выявление степени и меры автобиографизма произведения и его образов.

Следуя за французским литературоведом Ф. Леженом, мы исходим из представления о том, что «повествование, созданное реальным лицом с акцентом на своей жизни»,¹ имеет специфические особенности, которые проявляются в реализации сюжета, статусе автора и героя, а также повествовательной организации произведения.

В отношении романа «Идиот» и его главного образа данное положение приобретает особую важность. С теоретической точки зрения в этой связи необходим учет авторского намерения, зафиксированного в соответствующей преамбуле, во всякого рода пояснениях, а также во внетекстовой реальности (в автокомментариях, письмах, записных книжках, дневниках и других эго-документах).

На наш взгляд, автобиографизм, автобиографический текст, автобиографический дискурс, автобиографический контекст – важные литературоведческие категории, помогающие определить границы авторской свободы в обращении с материалом действительности как в самом широком эстетическом плане, так и в связи с конкретным произведением, прежде всего с его героями.

Амплитуда отражений при этом может быть весьма широка – от зеркального сходства автора и героя до предельной типизации его прототипов. И то, и другое, хотя и в разной степени присутствует в романе «Идиот». В нем отразился житейский и духовный опыт самого Достоевского и его окружения.

Во втором параграфе первой главы «Образ князя Мышкина в автобиографическом контексте» рассматриваются принципы автобиографического моделирования, которые принципиальным образом сказались на решении проблемы прототипов главного героя произведения – князя Льва Николаевича Мышкина. По нашему мнению, адекватное истолкование как самого произведения Достоевского, так и образа Мышкина невозможно вне автобиографического контекста. Особенно значимой

¹Lejeune Ph. L'autobiographie en France. 2 ed. – Paris, 1998. – P. 11-12.

является идейная соотнесенность автора и главного героя. Поэтому со всей определенностью можно подчеркнуть, что художник стремился создать его целостный образ прежде всего в контексте своей личности, жизни и мировоззрения.

Мышкин, как и сам писатель – сын дворянина и дочери московского купца. Главного героя романа автор наделил собственной болезнью – эпилепсией. Именно ему он доверил подробнейшее описание своего «священного» недуга.

Еще более значимы между автором и героем идеологические переклички. Через князя Мышкина Достоевский выразил свои заветные мысли о русском Христе, о православии и католицизме, о нравственной красоте человека. Автор передал Мышкину и свою заветную идею о том, что «в сострадании – все христианство»¹. Счастье и смысл жизни, по Достоевскому, достигаются путем страданий, которые дают человеку ключ к сочувственному пониманию чужого горя, делают его нравственно чутким и проникательным.

Здесь налицо своеобразное совмещение нравственно-религиозных точек зрения автора и героя произведения. Православие, по Достоевскому, выражается в живом чувстве любви к Христу и человеку, к другим людям. Эта сила христианской любви в особенности ощущается и в образе Мышкина, которого также отличает поразительная близость к детям, непосредственная детскость собственной натуры, способность нежно любить и понимать детскую душу. Другая автобиографическая черта в нравственном облике Мышкина – неприятие лжи. Не случайно он описан Достоевским как человек, который тоже «никогда не лжет» [8; 321].

Как известно, любовь к жизни была сильной чертой личности великого писателя. Эта «горячая любовь к жизни», жажда уловить ее глубинный

¹ Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч. в 30 тт. – Л., Наука, 1973. Т.9. – С. 270. Дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте, с указанием тома и страницы в скобках.

смысл ярко воплотилась в образе Мышкина. Ему, как и самому автору, присуще острое понимание гармонии и красоты в природе и человеке.

Восприятие красоты оказывается не только способностью, отличающей каждого настоящего художника, но и особым философским видением мира: «Посмотрите на ребенка, посмотрите на божью зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...» [8; 459].

Однако Достоевскому была свойственна и «многосоставность», «расколотость» личности. В письме к Е.Ф. Юнге от 11 апреля 1880 года Достоевский писал: «Что Вы пишете о Вашей двойственности? Но это самая обыкновенная черта у людей... не совсем, впрочем, обыкновенных. Черта, свойственная человеческой природе вообще, но далеко-далеко не во всякой человеческой природе встречающаяся в такой силе, как у Вас. Вот и поэтому Вы мне родная, потому что это раздвоение в Вас точь-в-точь как и во мне, и всю жизнь во мне было. Это большая мука, но в то же время и большое наслаждение. Это – сильное сознание, потребность самоотчета и присутствия в природе Вашей потребности нравственного долга к самому себе и к человечеству. Вот что значит эта двойственность. Были бы Вы не столь развиты умом, были бы ограниченнее, то были бы и менее совестливы и не было бы этой двойственности. Напротив, родилось бы великое-великое самомнение. Но все-таки эта двойственность – большая мука» [30; кн. 1; 149].

Аналогичный взгляд на сущность человека автор передал своему герою. Мышкин также говорит о глубинах подсознания, в которых зарождаются двойные мысли: «Две мысли вместе сошлись, это очень часто случается. Со мной непрерывно <...> Мне даже случалось иногда думать <...> что и все люди так...» [8; 258].

На наш взгляд, в этом суждении князя отразилась показательная для художника способность к обобщению, к экстраполяции собственных ощущений на других людей.

Автобиографическая печать на образе князя особенно очевидна в матримониальном плане. Самому писателю было очень хорошо знакомо ощущение «невозможного жениха», пережитое им, в частности, в доме генерала Корвин-Круковского. Писатель ухаживал за старшей из его дочерей, Анной. Она слыла красавицей и была идолом семьи, подобно Аглае Епанчиной.

Личные переживания и впечатления от общения с эмансипированной барышней из генеральского дома писатель перенес на героиню романа. В данном случае особенно очевидна прямая соотнесенность прототипа и художественного образа, predetermined авторскими установками. В характере Аглаи несомненно отразились «нигилистические» черты Анны Корвин-Круковской, которая была своевольной, остроумной, а часто и дерзкой, злой на язык девушкой. Острую неудовлетворенность вызывало у нее домашнее воспитание, в противовес которому она прочла множество запрещенных книг и, стремясь приносить хоть какую-нибудь пользу, взялась за обучение грамоте дворовых мальчишек.

В разговоре с Мышкиным Аглая также говорит о своем решении бежать из дому, о том, что хочет в Париже учиться и «очень много книг прочла», «все запрещенные книги прочла», о своей мечте «пользу приносить» и «заняться воспитанием» [8; 356, 358].

В романе изображается, как Мышкин пытается совместить чувства к разным женщинам, переживаемые одновременно. Такую любовь пережил сам писатель, передав своему герою способность к «расширению чувства», к совмещению в нем разных по своей физиологической и метафизической природе отношений с двумя женщинами. В произведении остался свет этого идеала.

«Князь Христос» оказался особенно близок автору, поэтому так много своего он отдал любимому персонажу: страстную проповедь красоты, спасающей мир; «намерение поучать», наивное в глазах людского окружения; бережное, благородное отношение к женщине; «священную

болезнь» и философию любви; ощущения, пережитые в ожидании смерти и, самое главное, собственный «символ веры».

Вторая глава «Реально-исторический контекст романа “Идиот”» посвящена рассмотрению ряда прототипов в творчестве Достоевского. В этой главе рассматриваются конкретные реально-исторические прототипы героя романа «Идиот»: доктор Ф.И. Гааз, граф Г.А. Кушелев-Безбородко, племянник писателя А.П. Карепин, князь В.Ф. Одоевский, поэт Н.П. Огарев, издатель детского журнала «Библиотека для воспитания» Д.А. Валуев.

Исходя из собственной концепции «положительно прекрасного человека», Достоевский целенаправленно аккумулировал и фокусировал необходимые для его создания реальные впечатления. Их художественная актуализация и привела к принципиальному очеловечению христоподобной личности героя.

В первом параграфе первой главы «Прототипы в творчестве Ф.М. Достоевского» в теоретическом плане рассматривается проблема прототипов в творчестве автора «пятикнижия», которая на протяжении многих десятилетий вызывает неоднозначный интерес у исследователей. Мы в данном случае имеем в виду не только и не столько внешнее сходство и общее родство судеб героев и прототипов, сколько типологический характер их жизненных принципов и идей.

Это подтверждается авторскими признаниями. Так, в письме к А.Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 года Достоевский следующим образом изложил замысел «Жития великого грешника»: «...хочу выставить во 2-ой повести главной фигурой Тихона Задонского; конечно, под другим именем, но тоже архиерей, будет проживать в монастыре на спокое. 13-летний мальчик, участвовавший в совершении уголовного преступления, развитый и развращенный (я этот тип знаю), будущий герой всего романа, посажен в монастырь родителями... <...> Тут же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим тоже именем). <...> К Чаадаеву могут приехать в гости и другие: Белинский наприм<ер>, Грановский, Пушкин даже. (Ведь у меня

же не Чаадаев, я только в роман беру этот тип.) В монастыре есть и Павел Прусский, есть и Голубов, и инок Парфений» [29; кн. 1; 118].

Исходя из рассуждений самого писателя, можно сделать следующий вывод: содержание и структура образа героя неизмеримо шире оригинала, преобразуемого сквозь призму авторского видения. Реальный человек, становясь предметом художественного изображения, изменяется настолько, что перестает быть равным себе. И хотя основным строительным материалом для создания любого художественного образа является сама жизнь, пропущенная через сознание творца, он не только отражает, но и преобразует ее, домысливая с помощью фантазии, творческого воображения.

При соотнесении образа князя Мышкина с реальными прототипами также можно убедиться в том, насколько его образ шире непосредственной натуры. В этом смысле нужно преимущественно иметь в виду отражение в образе Мышкина не фактически конкретных реалий жизни отдельных прототипов, а того типа их мироощущения, носителем которого и стал главный герой романа «Идиот».

На наш взгляд, проблема прототипов применительно к творчеству Достоевского в целом и, в особенности, к роману «Идиот» не может иметь прямолинейного решения. Необходим дифференцированный подход, учет авторского намерения и особенностей его творческой работы, которая в итоге обернулась «явлением князя Христа».

Во втором параграфе второй главы «Прототипы князя Мышкина» рассматриваются конкретные прототипы образа главного героя романа. Мы полагаем, что проблема прототипов применительно к образу главного героя романа «Идиот» является особенно сложной в методологическом плане, но их поиск имеет важное значение для адекватного восприятия и истолкования образа «положительно прекрасного человека».

«Кто он: *imitatio Christi* или *imitatio homini*? Если принять за первооснову образа Достоевского – Христа, то Мышкин превращается в героя-идеограмму, и тогда возможно говорить скорее о «прототипе образа

идеи», нежели о реальных личностях-прототипах. Связывая же «князя Христа» с ними, мы неизбежно отдаляем его от божественного прообраза»¹.

Огромную дистанцию между Христом и «человеком» Достоевский и сам остро сознавал, об этом свидетельствует его трагическая запись, сделанная 16 апреля 1864 года: «Возлюбить человека, *как самого себя*, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог...» [20; 172].

Это знаменитое высказывание писателя проникнуто неизбывной горечью от сознания человеческого несовершенства. Как известно, он писал: «Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо» [28; кн. 2; 251]. И все же безмерность замысла писателя определялась, прежде всего, необходимостью воплощения христианского идеала в человеческом образе. Думается, что яркие впечатления от реальных типов и явлений жизни помогли художнику воплотить его.

Еще раз подчеркнем, что проблема прототипа с теоретической и методологической точки зрения применительно к образу князя Мышкина особенно сложна, поскольку в данном случае она переходит в проблему соотношения христологического и человеческого содержания в его структуре, по поводу чего в достоевсковедении до сих пор идут напряженные споры.

Творческая история романа показывает, что сам писатель вполне сознавал чрезвычайную остроту данной проблемы. Думается, что представления автора романа «Идиот» по этому поводу были вполне конкретными и укорененными в почве «живой жизни».

¹Борисова В.В. Н.П. Огарев как прототип князя Мышкина // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения. Вып. 21. М. – Иркутск, 2009. – С. 86.

На наш взгляд, одним из главных прототипов князя Мышкина является Ф.П. Гааз. Несомненно, он стал для Достоевского высшим воплощением врачевания, прежде всего духовного. До него не могла не дойти народная молва о «святом докторе», который в разгар холерного бунта спокойно разъезжал по Москве. Этот немец стал кумиром русского простонародья, которое он вразумлял довольно успешно. Ему верили, его любили и почитали как святого.

Гааз упоминается уже в набросках к роману «Преступление и наказание». Его образ неоднократно возникает в сознании Раскольникова: «Неужели ж я не могу быть как Гас?», или «Почему я не могу сделаться Гасом? Почему все потеряно? Ребенок? Кто мне запретит любить этого ребенка? Разве я не могу быть добрым?» [7; 80].

Таким образом, задолго до начала работы над романом «Идиот» у романиста возникла мысль об «идеальном деятеле», способном влиять на души, хотя практическим людям он кажется «безумным», «сумасшедшим» [7; 82].

Известно, что первоначально писатель стремился к наглядному воплощению в образе князя Мышкина идеи единоличного добра, личного благодеяния. Примечательно, что она сохранилась и в дальнейшем, но сквозь нее постепенно стала проступать идея христианского самопожертвования.

Личность Федора Петровича Гааза – яркое тому подтверждение. Его деятельность стала для Достоевского наглядным подтверждением возможности христианского служения людям. Между героем Достоевского и его прототипом нет прямого биографического сходства, но много общего в идейном плане. Так, Мышкин постоянно обращается к теме арестантской жизни, смертной казни, профессионально волновавшей Гааза.

И Мышкина, и Гааза можно отнести к хриstopодобным личностям, способным жертвовать собой ради других, «вполне сознать свое я и отдать это *все* самовольно для всех» [20; 192]. Характерна в этом смысле глубокая

мысль, выраженная князем: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» [8; 192].

Таким образом, в характере князя Мышкина приметны главные хаазовские черты: христианская любовь и жалость к ближнему, способность видеть образ Божий в каждом человеке, даже в арестанте и каторжнике.

К прототипам князя Мышкина можно отнести и В.Ф. Одоевского. Князь Владимир Федорович принадлежал по отцовской линии к старейшему на Руси дворянскому роду, ведущему свое начало от Рюрика. Но род Одоевских обеднел к моменту рождения будущего писателя, отец его умер, когда мальчику не было и пяти лет, ребенок рос в семье родственников, назначенных его опекунами.

Факты домашней жизни и ближайшего окружения Вл. Одоевского перекликаются с описанием биографии князя Мышкина: «Остался князь после родителей еще малым ребенком, всю жизнь проживал и рос по деревням <...> Павлищев доверил его каким-то старым помещицам, своим старым родственницам» [8; 24-25].

Вслед за другими исследователями подчеркнем, что Мышкин, подобно князю Одоевскому, на котором пресеклась старшая ветвь древней фамилии Рюриковичей, последний представитель старинного дворянского рода.

В романе показывается, что Мышкин любит и Аглаю, и Настасью Филипповну; так же и Одоевский, будучи женатым, полюбил Н.Н. Ланскую (родную сестру своей жены). Как видим, способность «любить обеих двумя разными любовью», принципиально важная для характеристики героя Достоевского, находит объективно-реальное, жизненное подтверждение. Автор романа «Идиот» не мог не знать эти факты жизни Вл. Одоевского. Он был хорошо с ним знаком, во многом ему были близки его взгляды.

Одним из убеждений князя Одоевского было человеколюбие, по его собственному мнению, это первая и святая обязанность каждого, и он самоотверженно оказывал помощь всем, кто в ней нуждался. Мышкина также отличает искренняя забота о ближних, милосердие ко всем

страждущим, и жертвенное служение людям. На наш взгляд, оба князя в полной мере осуществили христианский идеал любви к человеку. Они любили свой народ и верно ему служили.

Можно отметить и отражение некоторых важнейших особенностей мировоззрения В.Ф. Одоевского в образе князя Мышкина. Имеется в виду славянофильская составляющая в их высказываниях. Автор «Русских ночей» подчеркивал «всеобъемлющую многосторонность русского духа», «стихию всеобщности или, лучше сказать, – всеобнимаемости»¹.

Сходные воззрения в высшей степени отличают князя Мышкина, потому-то он и назван «славянофилом или в этом роде» одним из гостей Епанчиных [8; 459]. Здесь очевидна прямая идейная связь между прототипом и образом литературного героя. На наш взгляд, в большой степени она была обусловлена общением Достоевского с Вл. Одоевским. Его личность действительно помогла писателю воссоздать образ «положительно прекрасного человека».

Совмещение черт характера и линий судеб князя Мышкина и князя Одоевского имеет существенное значение и в аксиологическом плане. Показательно в этой связи то, что они воспринимаются в свете как люди смешные, чудные и странные. Все это мотивируется общим комплексом нравственно-психологических качеств: добрым сердцем, простодушием, искренностью, доверчивостью и детской непосредственностью.

Особенно очевидны матримониальные параллели в жизни Одоевского и князя Мышкина, определяющие принципиально важную для характеристики героя Достоевского способность к «расширению чувства любви», которая, таким образом, обрела реальное, жизненное подтверждение.

К прототипам «положительно прекрасного человека» можно отнести и Николая Платоновича Огарева. По рождению и воспитанию он принадлежал

¹Одоевский В.Ф. Русские ночи. – М., Эксмо, 2007. – С. 220.

к высшей дворянской знати в России, но был совершенно маргинален, подобно Мышкину, явившемуся в Петербург с одним узелком.

Писатель хорошо знал друга А.И. Герцена – и лично, и по свидетельствам многих современников. Находясь в Швейцарии в 1867-1868 годах, он неоднократно встречался с ним. Не нужно напоминать, что именно эти годы были посвящены напряженной работе над романом «Идиот». Достоевский и Огарев довольно часто вместе прогуливались по вечерней Женеве, судя по всему, близко сошлись и даже подружились, приходя друг к другу в гости.

То, что они были «братьями по несчастью» – эпилептиками – тоже их сближало. О степени близости обоих литераторов красноречиво свидетельствует тот факт, что они подарили друг другу свои произведения: Огарев – сборник стихов, а Достоевский – роман «Преступление и наказание». Дарственные надписи обоих авторов были взаимно очень теплыми. Писатель называл Огарева «задушевым поэтом и человеком», он не раз выручал чету Достоевских, ссужая им деньги.

Примером важной переключки прототипа и литературного героя является общая для них коренная жизненная ситуация «испытания любовью». В принципе Н. Огареву пришлось выдержать его дважды. Первый раз его поставили перед выбором между женой и друзьями, которые требовали от него расстаться с недостойной, по их мнению, женщиной. Аналогично повела себя и Марья Львовна, ревнуя мужа, прежде всего, к кружку Герцена. Обе стороны буквально истерзали поэта.

Мышкин тоже самоотверженно любит Настасью Филипповну, ради нее он готов на самопожертвование и самоотречение: «Я вас ... Настасья Филипповна... люблю. Я умру за вас, Настасья Филипповна. Я никому не позволю про вас слова сказать, Настасья Филипповна ... Если мы будем бедны, я работать буду, Настасья Филипповна...», «Вы горды, Настасья Филипповна, но, может быть, вы уже до того несчастны, что и действительно виновною себя считаете. За вами нужно много ходить, Настасья Филипповна.

Я буду ходить за вами» [8; 138, 142]. Такая мученическая любовь Мышкина к Настасье Филипповне в свете биографии Н.П. Огарева выглядит достаточно жизнеподобной.

Второе испытание Огареву пришлось выдержать через год. Его жизнь со второй женой, как известно, также сложилась трагически. Наталья Алексеевна Тучкова не принесла ему счастья. Полюбив А.И. Герцена, она осталась с ним, хотя формально продолжала носить фамилию Огарева. И опять он самоотверженно принес себя в жертву на алтарь дружбы и любви.

Все это напоминает положение Мышкина в Павловске, уже изнемогающего от бурлящих вокруг него страстей, им же вызванных. Он оказывается в эпицентре «любовных треугольников»: Мышкин – Настасья Филипповна – Рогожин; Мышкин – Настасья Филипповна – Аглая.

Взаимоотношения Мышкина и Настасьи Филипповны в романе развиваются неровно: вначале он «любил ее, о, очень любил». Позже, после мучительного времени, проведенного подле нее, как рассказывает князь Аглае, Настасья Филипповна «угадала», что ему уже «только жаль» ее, но в то же время у него точно сердце «прокололи раз и навсегда» [8; 472].

Этой способностью к любви-состраданию отличался и Огарев, что подтверждает реальную возможность глубинного проникновения писателя в тайну личности поэта, которая помогла ему «очеловечить» христоподобный образ Мышкина.

К моменту женевских встреч с Достоевским Огарев выглядел человеком, все отдавшим самым близким и дорогим людям, истерзанным и измученным, с надломленной душой и разбитым сердцем, но по-прежнему кротким и терпеливым, сохранившим талант любви к людям.

Его состояние и мироощущение, видимо, было понято Федором Михайловичем на каком-то глубинном, интимном уровне. Поэта можно отнести к прототипам «положительно прекрасного человека» прежде всего на психо-физиологическом и нравственном основаниях. Он, как и князь Мышкин, принадлежал к поколению «кающихся дворян» 60-70-х годов XIX

века. В этом плане характерные черты личности Огарева и князя Мышкина типологичны. Можно сказать, что Николай Платонович Огарев – это яркий человек из мира Достоевского.

К прототипам князя Мышкина можно причислить и Александра Петровича Карепина, сына сестры писателя Варвары Михайловны и Петра Андреевича Карепина. По справедливому замечанию В.В. Борисовой, «модальность его фигуры не столько сатирическая, сколько трагикомическая»¹. Мы согласны с ней в том, что именно аксиологическое основание для соотнесения прототипа и персонажа в данном случае является определяющим. Принципиально важна также ценностная ориентация образа героя, названного идиотом.

Мышкина считают «идиотом» из-за его непохожести на других, из-за его нелепости, резких расхождений с общепринятыми нормами в общении и поведении. И лишь в самую последнюю очередь в названии реализуется медицинское значение: идиот как душевнобольной, как помраченный рассудком человек.

По отношению к князю Мышкину часто звучат определения «совершенный ребенок», «младенец». Сам князь тоже называет себя «мальчиком». Доктор Шнейдер инфантильность своего пациента с медицинской точки зрения диагностирует как патологию. Мышкин же свою особенность считает вполне естественной.

Аналогично воспринимался и оценивался в своем кругу А.П. Карепин. В молодой компании, которая собралась летом 1866 года на даче Ивановых в Люблино, над младшим Карепиным много потешались и шутили. В это время там отдыхал и работал Федор Михайлович. Веселая дачная атмосфера, в которую окунулся писатель, отразилась не только в повести «Вечный муж», но и в романе «Идиот».

¹Борисова В.В. Александр Петрович Карепин как прототип князя Мышкина // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения. 500 лет роду Достоевского. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.18. М. – Иркутск, 2008. – С. 198.

Князь на даче Лебедева в Павловске тоже оказался в кругу нескольких семей – Лебедевых, Иволгиных, Епанчиных, Птицыных. Вокруг него образовалась целая компания гостей-насмешников. Лизавета Прокофьевна князю говорит об Аглае: «Ей шута надо такого, как ты... И я рада, рада, что она теперь тебя на зубок подымет» [8; 268].

Объектом розыгрышей всегда оказывался А.П. Карепин, который чаще всего беззлобно их переносил. Судя по всему, он не боялся выглядеть смешным. В этой связи вспоминаются рассуждения Мышкина о том, почему не надо бояться смеха над собою: «Нечего смущаться и тем, что мы смешны, не правда ли? Знаете, по-моему, быть смешным даже иногда и хорошо, да и лучше: скорее простить можно друг другу, скорее и смириться, не все же понимать сразу, не прямо же начинать с совершенства!» [8; 458].

Реальную основу в романе имеет и матримониальная ситуация, детально воспроизведенная писателем. Она значима в отношении как самого автора, так и героя. У его прототипа была репутация «вечного жениха». Известно, что под венец А.П. Карепин пошел в шестьдесят лет. Он был смешным чудаком, похожим на тех героев мировой литературы, которых Достоевский включил в генеалогию князя Мышкина, желая «сделать лицо героя симпатичным»: «Если Дон-Кихот и Пиквик как добродетельные лица симпатичны читателю и удались, так это тем, что они смешны» [9; 239].

Как известно, главную черту в облике князя Мышкина автор обозначил следующим образом: «он невинен». «Невинность» в данном случае равна детскости. У А.П. Карепина она доходила до смешных и крайних проявлений: он оставался послушным и покорным ребенком даже в самые зрелые годы своей жизни.

Итак, с учетом ценностной ориентации образа «положительно прекрасного человека», в романе выглядящего «идиотом», в разряд прототипов князя Мышкина можно отнести и А.П. Карепина. Думается, мимо внимания художника не могли пройти весьма оригинальные с психологической точки зрения особенности личности его племянника, на

всю жизнь оставшегося ребенком. Детское начало не случайно является основным в князе Мышкине.

По нашему мнению, изображая «главное лицо» романа, Достоевский использовал немало живых черт, свойственных именно А.П. Карепину. Они не исчезли в процессе символизации и мифологизации образа князя Мышкина, на поздней стадии художественной работы писателя. В результате ему удалось соблюсти нужную меру очеловечивания хриstopодобного героя, необходимую для его полноценного эстетического восприятия.

Прототипом князя Мышкина можно считать и издателя детского журнала «Библиотека для воспитания» Дмитрия Александровича Валуге. Достоевский, судя по всему, его знал. У них были общие издательские интересы. В «Петербургской летописи» за 1847 год Федор Михайлович писал: «А знает ли он [русский народ – А. Б.] историю московских святителей, св<я>тых Петра и Филиппа?» [18; 25]. Незадолго до этого в «Библиотеке для воспитания» за 1845 год была опубликована статья Д.А. Валуге о митрополите Филиппе. В том же журнале за 1846 год была напечатана статья А.С. Хомякова о светлой личности его племянника.

Возраст, образование, воспитание, характер – все это во многом роднит князя Мышкина и Д.А. Валуге, который родился в 1820 году в Симбирской губернии. Его мать, Александра Михайловна, урожденная Языкова, сестра поэта Н.М. Языкова и жены А.С. Хомякова, скончалась, когда мальчику не было и трех лет. Мышкин тоже остался сиротой «после родителей еще малым ребенком» [8; 24].

В июле 1843 года Валуге уехал для поправления своего здоровья за границу, за полгода объехал половину Европы, в Париже и Лондоне собирал в библиотеках материалы для своих исторических сочинений, много редких книг и рукописей вывез из Праги, познакомился с людьми, которые сочувствовали его мысли о соединении церквей. Запад удивил его успехами в науке и искусстве. Все письма, написанные Валуге в это время, свидетельствуют о его высокой христианской любви ко всем народам.

Эту черту отметим и у Мышкина. Достоевский наделил его бескорыстной, отзывчивой всечеловечностью. Главный герой романа «Идиот» весь обращен к миру и людям, даже болезнь не заслонила для него богатого многообразия жизни.

Общественная деятельность Д.А. Валуева была проявлением его внутренней жизни. По воспоминаниям современников, он сохранил чистоту своей души до гроба¹. Соответственно о чистоте и невинности князя Мышкина свидетельствуют слова Лебедева: «*Утаил от премудрых и разумных и открыл младенцам*, я это говорил еще и прежде про него, но теперь прибавлю, что и самого младенца Бог сохранил, спас от бездны...»[8; 494] (курсив наш. – А.Б.). В образе главного героя романа, как и в личности Валуева, действительно много детского, чистого, невинного.

В последние годы своей короткой жизни Д.А. Валуев целиком обратился к изучению русской истории. Вместе с Петром Михайловичем, Александром Михайловичем и Николаем Михайловичем Языковыми и А.С. Хомяковым Валуев в 1844 году издал знаменитый «Симбирский сборник». Предисловие к «Сборнику», написанное им, стало важным этапом в формировании учения славянофилов. Думается, с этой точки зрения славянофильские черты в облике Мышкина не случайны, исторически обусловлены.

Мы считаем, что в широкую генеалогию главного героя романа «Идиот», который является не только христоподобным, но и жизнеподобным героем, по праву можно включить и Д.А. Валуева, как личность, хорошо известную Достоевскому и схожую с князем Мышкиным по возрасту, образованию, воспитанию, характеру. В этом плане невозможно игнорировать многочисленные биографические и психологические сращения между прототипом и главным образом романа «Идиот», в особенности славянофильскую составляющую.

¹Панов В.А. Биография Дмитрия Александровича Валуева. – М., тип. А. Семена, 1846. – С. 16.

Итак, большое типологическое сходство между прототипом и литературным героем еще раз подтверждает значимость реально-исторического контекста для восприятия как всего творения Достоевского, так и его главного образа. Думается, необыкновенная нравственная сила, высочайшая духовная красота Д.А. Валуева стали живым источником для создания образа князя Мышкина.

В конечном счете, ориентация на «прекрасную» и «совершенную» личность Христа не противоречила стремлению художника обрести почву для создания образа главного героя романа «Идиот» в реальной действительности. В своей работе мы стремились показать, что целостная и непротиворечивая интерпретация великого произведения русской литературы XIX века и его центрального образа невозможна без учета автобиографического и реально-исторического контекстов.

Каждый из указанных прототипов князя Мышкина той или иной чертой вошел в характер героя, который, с нашей точки зрения, является не только христоподобным, но и жизнеподобным персонажем. Достоевскому нужны были жизненные подтверждения того, что дистанция между Христом и человеком преодолима.

Вся творческая работа автора над романом «Идиот» показывает, что образ князя Мышкина создавался на основе живых впечатлений и наглядных представлений о типе «идеального христианина», который, несмотря на свою исключительность, был вполне характерен для эпохи Достоевского.

Характерные свойства многих выдающихся современников Достоевского, несомненно, вызывают ассоциации с князем Мышкиным, но самое главное состоит в том, что они по отношению друг к другу типологичны. Отсюда возможен парадоксальный вывод о типичности образа князя Мышкина в реально-историческом и автобиографическом контекстах.

В **заключении** подводятся итоги проведенной работы и намечаются перспективы дальнейших исследований, в которых на ином, концептуальном уровне могут быть рассмотрены вопросы иерархического соотношения

реальных прототипов князя Мышкина с литературными героями (Дон Кихот, Пиквик, «рыцарь бедный», Жан Вальжан), с личностью Христа и самого автора.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Батталова А.Н.* Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в автобиографическом контексте // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2011. №20. – С.31-34.

2. *Батталова А.Н.* Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» в автобиографическом и реально-историческом контекстах // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2012. №28. – С. 21-26.

3. *Батталова А.Н.* Д. А. Валуйев как прототип князя Мышкина // Казанская наука. 2013. №2. – С. 113-115.

Другие публикации:

4. *Батталова А.Н.* Федор Петрович Гааз как прототип князя Мышкина // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2009. – С. 204-210.

5. *Батталова А.Н.* Князь В.Ф. Одоевский как прототип князя Мышкина // Система непрерывного педагогического образования: проблемы функционирования языков и литератур в полиэтническом Башкортостане. Материалы региональной научно-практической конференции. – Уфа, 2010. – С. 50-53.

6. *Батталова А.Н.* Прототип и герой: типология личности (Н.П. Огарев и князь Мышкин // Три века русской литературы: актуальные аспекты

изучения. Межвуз. сб. научных трудов. Вып. 22. – М., – Иркутск, 2010. – С. 88-94.

7. *Батталова А.Н.* Г.А. Кушелев-Безбородко как прототип князя Мышкина // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании. Материалы V Международной научно-практической конференции. Т. IV. – Уфа, 2011. – С. 123-125.

8. *Батталова А.Н.* Принципы автобиографического моделирования в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании. Материалы V Международной научно–практической конференции. Т. IV. – Уфа, 2011. – С. 125-128.

9. *Батталова А.Н.* Прототипы князя Мышкина // Система непрерывного педагогического образования: проблемы функционирования языков и литератур в полиэтническом Башкортостане. Материалы региональной научно-практической конференции. – Уфа, 2011. – С. 45-49.

